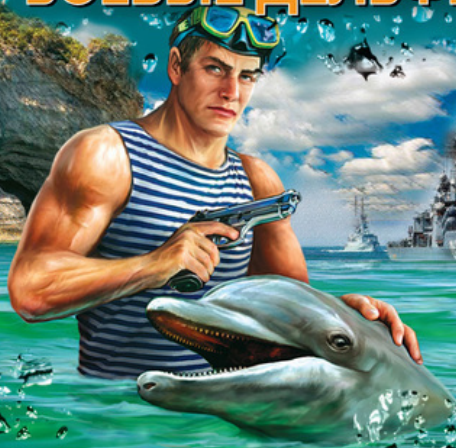

Three soldiers are shown from the chest up, emerging from turbulent blue water. The soldier on the left has a headband. The middle soldier is holding a rifle. The soldier on the right is also holding a rifle. The background shows a cloudy sky and distant mountains.

МОРСКОЙ СПЕЦНАЗ

ВАЛЕРИЙ РОЩИН

БОЕВЫЕ ДЕЛЬФИНЫ

Валерий Георгиевич Роцин

Боевые дельфины

Серия «Морской спецназ»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21096526

Боевые дельфины: роман / Валерий Роцин: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-50895-2

Аннотация

Ну разве это отпуск?! Только командир группы подводных пловцов Евгений Черенков вознамерился понежиться в теплых волнах Черного моря и поваляться на песочке, как вдруг руководство поручило ему обезвредить невзорвавшуюся торпеду, а затем поднять затонувший подводный батискаф... А последнее задание и вовсе странное: нужно тщательно обследовать турецкий дельфинарий. Ну что ж, надо так надо, начальство просто так из отпуска не отзывает. Но, оказавшись в среде дельфинов, боевые пловцы сталкиваются со странным явлением: всегда предельно дружелюбные и мирные черноморские афалины вдруг начали проявлять резкую агрессию по отношению к людям с аквалангами.

Содержание

Пролог	5
Часть I	11
Глава 1	11
Глава 2	28
Глава 3	41
Глава 4	58
Глава 5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Валерий Рошин

Боевые дельфины

© Рошин В., 2011

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2011

* * *

Пролог

Юго-западная акватория Черного моря.

Март 1944 года

Адмирал Отто Кречмер курил у окна рулевой рубки «Гессена». Судно вышло из Одессы и уже сутки, борясь с волнами, держало курс на пролив Босфор. До пролива осталось миль семьдесят...

Ночь. Море прилично штормит, небо еще днем заволочло тучами. Несколько часов льет проливной дождь, вокруг сверкают молнии. В такую погоду не стоит опасаться налета русской авиации или атаки вражеских субмарин, поэтому бортовое освещение, за исключением двух носовых прожекторов, выключено.

Мощная волна бьет в левый борт. Удар сильный и неожиданный – стоящий на руле обер-матрос едва удерживается на ногах. Судно кренится, взмывает вверх и переваливает через гигантский гребень.

– Черт, – ломает в пепельнице окурочек Кречмер. – Я думал, по-настоящему сильные штормы бывают только в северной и южной Атлантике, а оказывается, и в таких лужах тоже штормит.

Фрегаттен-капитан Лют тактично помалкивает. Для него – командира транспорта «Гессен» – это двенадцатое плавание в акватории Черного моря. Он неплохо изучил

здешние воды, успел познакомиться с их норовом в осенне-зимнюю навигацию, поэтому, видимо, ему и поручили столь ответственное дело. Ранее Лют приводил сюда транспорты из Италии, под завязку загруженные боеприпасами и военной техникой, а обратно уходил с ранеными солдатами и офицерами. Вот и на этот раз «Гессен» вошел в Черное море, загруженный боеприпасами для сражающихся частей группы армий «Юг». Одессу он покинул, якобы имея на борту четыреста раненых. словно в подтверждение благородной миссии, на верхней палубе красуется пришвартованный санитарный грузовик со свежими красными крестами в огромных белых кругах на закрывающем кузов брезентовом тенте. На самом же деле, кроме штатной команды, на «Гессене» присутствовали лишь старший перехода – адмирал Кречмер – и турецкий лоцман, постоянно меняющий из-за шторма курс движения судна.

Адмирал Отто Кречмер был молод, полон сил, его карьера шла в гору даже в 44-м – не слишком удачном году для Третьего рейха.

Первого марта 1944 года в Берлине он стоял перед Адольфом Гитлером рядом с Вальтером Моделем.

– Благодарю вас, Вальтер. Вы сумели сделать то, чего не смогли другие – остановили русские части под Нарвой и Псковом, – негромко говорил вождь нации. Взяв у адъютанта погоны генерал-фельдмаршала и маршальский жезл, торжественно передал все это Моделю: – Поздравляю.

Отто не без зависти покосился на атрибут высшего воинского звания. Восточный фронт откровенно буксует, в войсках и на флоте все чаще поговаривают о скором вступлении в войну американцев, канадцев и англичан, а тогда шансов на успех в этой войне почти не останется. Успеет ли он – Отто Кречмер – стать гросс-адмиралом и получить похожий жезл?..

Подойдя к Кречмеру, фюрер с минуту разглядывал его пронзительным взглядом – будто силился вспомнить, зачем приказал прибыть в ставку. И вдруг сказал совершенно неожиданную вещь, ибо ничего выдающегося в последние месяцы Кречмер не совершал:

– Вы, Отто, с сегодняшнего дня – адмирал. Для выполнения важнейшей и секретной миссии на востоке вам делегируются особые полномочия. Отныне вы подчиняетесь только мне. Слышите? Мне, и только мне!

– Да, мой фюрер, – вытянулся тот. – Вам, и только вам!

Из Берлина Кречмер с Моделем вылетели на Восточный фронт на одном самолете. Вальтер сторонился молодого выскочки. Однако Модель не был бы Моделем, если бы по прибытии на Украину точно и в срок не исполнил бы все указания, полученные в ставке.

Приказ фюрера звучал так:

– Завтра из порта итальянского Наполи в порт украинской Одессы выходит немецкое транспортное судно «Гессен» под командованием опытного фрегаттен-капитана Вольфганга

Люта. Плавание «Гессена» продлится ровно шесть дней, за которые вы вдвоем обязаны подготовить к погрузке на судно все ценности, собранные ранее особыми подразделениями СС. Далее генерал-фельдмаршал Модель приступает к прямым обязанностям командующего группой армий «Юг», а вы, Кречмер, сопровождаете ценный груз. Пункт назначения вам сообщат позже...

Ветер крепчает, волны становятся выше, но «Гессен» точно выдерживает курс и упрямо приближается к турецкому берегу.

– Сколько до Босфора? – не оборачиваясь, спрашивает адмирал.

– Шестьдесят миль, – бодро докладывает фрегаттен-капитан. – Через шестьдесят миль мы войдем в спокойные воды пролива и забудем...

Резкий толчок со вспышкой огня по правому борту и грохот взрыва прерывают Вольфганга. Впечатление такое, будто корабль налетел на подводный риф, отчего все в рубке чуть не попадали на пол.

– Неужели русская подлодка? – кинулся к иллюминаторам капитан.

– Перестаньте, Лют! Ни одна подлодка не сможет точно прицелиться и выстрелить торпедой при такой болтанке, – мрачным голосом констатирует Кречмер. – Это, скорее всего, мина. Сорвавшаяся с якоря мина...

Капитан дает команду «стоп-машина», приказывает по постам и отсекам осмотреться, доложить обстановку.

Пару минут в рубке тихо. Судно швыряет волнами. Становится заметен дифферент на нос и крен на правый борт. Поступающие доклады подтверждают самые худшие предположения: у ватерлинии по правому борту носовой части зияет большая пробоина.

Лют делает шаг к Кречмеру:

– Герр адмирал, прикажете готовить шлюпки?

– Какая здесь глубина? – не оборачиваясь, спрашивает тот.

– Чуть больше двух тысяч метров, – заглядывает в морскую карту капитан. И повторяет вопрос: – Прикажете готовить спасательные средства?

Кречмер молчит.

Держась обеими руками за бронзовый поручень, он наблюдает в иллюминатор, как судно все сильнее ложится на правый борт.

– Бесполезно. Мы все трупы, Вольфганг.

– Но почему?

– Ты знаешь, сколько в трюмах «Гессена» золота, драгоценных камней, картин, антиквариата и прочего дерьма?

– Нет.

– Ая знаю...

Команда «покинуть судно» из рулевой рубки так и не прозвучала. Вместо нее прогремели два выстрела, после чего

судно совершило оверкиль, встало на нос, а через три минуты и вовсе исчезло под водой.

На поверхности среди бушующих волн остались несколько человек из судовой команды. Сцепившись руками и веревками от спасательных жилетов, они старались держаться вместе. Немного в стороне от них, ухватившись за спасательный круг, потихоньку отдалялся на юг молодой турок – лоцман, взятый на борт «Гессена» в Стамбуле.

Часть I

Иринарх

Глава 1

Российская Федерация, Черноморское побережье.

Три недели назад

С протяжным хрипом я вскакиваю с постели. Свесив босые ноги, долго сижу в темноте и стараюсь отдышаться.

Черт! Этот идиотский сон уже который раз донимает меня! Один и тот же сон, как меня вытащили с разведывательной субмарины «Косатка». Неужели я сумею наконец-то все это забыть, и вся моя измученная память даст мне покой?..

Топаю босиком к холодильнику, где стоит початая бутылка коньяка. Плеснув в стакан грамм сто, опрокидываю в себя алкоголь и выхожу на узкую террасу-лоджию, где воздух свежее и приятнее. Плюхнувшись в кресло, устраиваюсь локтями на подлокотниках, оглядывая слабо освещенную площадку перед парадным входом. И в кои-то веки забываю о проклятом сне. Забываю, потому что все-таки я в отпуске. Свобода...

Надо же! Любимый начальник второй раз подряд держит слово и дарит мне маленькое, восхитительное счастье – от-

пуск на целых три недели. Шеф (большая шишка мелкого роста, генерал-лейтенант, но в генеральской форме я не видел его ни разу в жизни) и сам позабыл об отдыхе, поэтому больших претензий я к нему не имею. Тем более что напоследок он вторично преподнес бесплатную путевку от нашей «конторы» в тихое солнечное местечко под названием «Лечебно-оздоровительный комплекс «Витязь».

Впервые он позволил мне отдохнуть здесь около месяца назад. Правда, за пару суток до окончания путевки вероломно выдернул из рая, прислав «конторский» самолет и отправив в ад, именуемый Норвежским морем. Хотя нет, ад случился немного позже, когда меня с ребятами перебросили на три тысячи километров к востоку. Там, плескаясь в море Лаптевых, мы с тихой грустью вспоминали ласковую, почти теплую воду, омывающую самый северный мыс Норвегии.

Отпуском я был премирован по окончании лечения в госпитале – в море Лаптевых пришлось не только померзнуть и побывать во вражеской разведывательной субмарине малого класса «Косатка», но и получить две пули. Одну из подводного «Хекпер и Кох Р-11» калибра 7,62, а вторую из обычной «беретты». В Москве меня подлечили довольно быстро, похвалив при этом корабельного врача с ВПК «Адмирал Никоненко», своевременно и квалифицированно оказавшего первую помощь.

Ну да ладно об этом – все трудности и печали остались в прошлом. Я выздоровел, окреп, а за пару недель бесшабаш-

ной отпускной жизни даже слегка прибавил в весе.

Обширная территория комплекса «Витязь» зажата на перешейке между Черным морем и серой гладью многокилометрового лимана. На юго-восточном берегу от него раскинулся поселок Витязево – ближайший к зоне отдыха населенный пункт. Чуть дальше аэропорт Анапы, куда меня и привез небольшой самолетик, принадлежащий «конторе». Анапа в двадцати километрах, но туда лучше не соваться – там пышет жаром асфальт, шумно, суетливо и слишком много народа.

А в самом комплексе очень даже неплохо: в одноместном-то благоустроенном номере с холодильником, телевизором, кондиционером и отменным трехразовым питанием. По соседству со спальным корпусом есть крытый бассейн, спортзал, теннисный корт, киноконцертный зал, парочка магазинов и ночной клуб. Практически есть все, «как в Греции». Половина этого «всего» включена в стоимость путевки, за другую половину при желании можно заплатить на месте. Хочешь в номер холодной водочки с маринованными груздями – позови горничную и мягко намекни о желании; жеманно поведя плечиком, она тут же озвучит расценки. Полагаю, точно так же обстоит дело с осуществлением и других чисто мужских прихотей. Почему я в этом уверен? Все просто. Однажды в дверь моего номера робко постучала девонька в белом фартуке – такая вся из себя блондинка с растопыренными ресничками, пухлыми накрашенными губ-

ками и пергидролевым каре. Показав сто баксов, она попросила разменять их по полтиннику.

– Зачем тебе здесь доллары, детка? – спросил я красотку по простоте душевной.

– Понимаете, минет стоит пятьдесят, а у меня нет сдачи, – доверчиво пояснила она.

Вот так. Капитализм, мать его. Херня, о которой так долго говорили большевики, свершилась.

На недельку сюда приезжала молодая женщина по имени Анна. Да-да, та самая Анна Воронеж, ради которой несколько недель назад я стучал подводным фонарем по дверце шлюзовой камеры вражеской подлодки на дне моря Лаптевых.

Мы неплохо провели здесь время: отдохали, купались, ездили в Анапу и ужинали в ресторанах... Она – ведущий инженер «закрытого» предприятия. И, к сожалению, ее свободное время всегда ограничено. Даже не заметили, как пролетели семь счастливых дней. Я проводил ее до аэропорта, поцеловал на прощанье в губы и попросил не забывать. Вытерев глазки, она пообещала.

Анна чертовски хороша собой и великолепна в постели. Не то что парочка моих предыдущих подружек. Первая, Жанна, была холодна и флегматична. Ее темперамент – это легенда, потому что его никто никогда не видел. На ее темпераменте знойным летом 2009-го я охлаждал пиво. Вторая звалась Вероникой, и она превратила мою половую жизнь в

трагедию: секса с ней не бывало неделями. То понос, то золотуха, то больная голова... К тому же, если где-то собиралась компания, она несла такую пургу, такие лепила многозначительные мины!.. Типа она настолько гиперсексуальна, что все остальные лежат пластом по окопам. Друзья вздыхали и завидовали, а я молча бесился и не мог признаться, что эта «пантера выходного дня» дома являет собой плюшевый валенок.

Одному тут чертовски тоскливо. Да и непривычно, когда рядом никого из друзей или коллег по службе. И совсем уж скучно без вездесущего любимца команды Босса – благородной помеси беспросветной дворняги с жутко породистой лайкой. Босс был крохотным щенком, когда на берегу Белого моря его подарила моей команде такая же кроха-девочка за спасение тонущего отца. Вообще-то «Босс» – сокращенно от «Барбоски».

Да, одному тут хреново. А после отъезда Анны вообще хотелось выпить в зюю. Короче, наплавался я до ушей, належался на горячем песочке, выспался и отъелся, был свеж, бодр и готов к половым приключениям, но при этом все-таки ждал звонка от единственной женщины, которая меня не раздражает и всегда готова понять.

Пару вечеров я тупо сидел перед телевизором, вливая в себя холодное пиво в ожидании чуда. Вдруг послышится тихий стук, откроется дверь и вернется Анна?

Пиво кончилось. Досматриваю какой-то вялотекущий,

как шизофрения, футбольный матч с выключенным звуком и невольно вспоминаю начало этого лета.

В голове не мысли, а мюсли. Всего одна буква другая, а разница – будь здоров! Сквозь этот мутный кисель слышу тихий стук. Сердце подпрыгивает от радости и пускается вскачь.

– Открыто!

Напрасно я ждал чуда. Вместо Анны на пороге появляется пухлый мужчинка лет шестидесяти с большой проплешиной посреди круглой башки. Одет прилично, явно не алкаш. В глазах просьба, если не сказать, мольба.

Говорить лень. Вопросительно взираю на гостя.

– Прошу прощения, – мямлит тот. – Я ищу Евгения Арнольдовича Черенкова. Мне сказали...

– Вы не ошиблись. Чем обязан?

– Видите ли...

Я хоть и пьян, но совесть трезва и на страже.

– Проходите. Садитесь.

Мужчинка делает несколько шагов и скромно присаживается на край дивана. Господи, кто ж ты такой? Чего тебе надо? Денег? Власти? Славы?... Увы, дорогуша, ты пришел не по адресу.

– Тут такое дело...

– А вы, собственно, кто?

– Я заместитель главы администрации города Анапы. Агапов Илья Игоревич.

Так. Агапов из Анапы. Или Анапов из Агапы – так звучит лучше и загадочнее. Власть отпадает – она у него есть. Маленькая и ненастоящая, но есть. Стало быть, явился за богатством. Или хочет услышать концерт медных труб?

– Очень приятно, – вру с полнейшим равнодушием.

– Тут такое дело... Вчера поступил к нам сигнал с северного пляжа. В общем... – мнется он, промокая платком мокрую шею. – В общем, позвонили со спасательной базы и...

– Да говорите же! Что там произошло на вашем пляже? Села на мель натовская подлодка? Или поселился гигантский осьминог?

– Эх, если бы подлодка! Если бы осьминог!.. Нет, Евгений Арнольдович. Ближе к вечеру к спасателям подошел какой-то молодой человек с аквалангом и сказал, будто недалеко от берега на глубине метров двадцати лежит длинный металлический предмет, похожий на торпеду.

О как. Торпеда! И чего ж ты, дядя, хнычешь? Торпеда гораздо лучше осьминога.

Стараясь держать себя в руках, осторожно интересуюсь:

– Ну а я-то при чем? Я же не сапер, не подрывник. В торпедах тоже не шибко смыслю.

– Евгений Арнольдович, мне порекомендовали вас как лучшего боевого пловца! Нам не нужно ее разминировать, не нужно подрывать...

Интересно, какой гад распускает обо мне сплетни на побережье?

– ...Мы были бы очень признательны за ваше заключение. Только заключение! Несколько слов о похожем на торпеду предмете от опытного моряка-подводника и образованного в военном смысле человека. Понимаете?

– Честно говоря, не совсем.

Анапов из Агапы волнуется, мнет в руках платок.

– Понимаете, если на дне действительно лежит торпеда, то это повлечет за собой целый ряд глобальных проблем. Нам придется сообщить по команде во все инстанции: в ГО МЧС, военному командованию, краевому руководству... И уж разумеется, срочно эвакуировать весь прибрежный район.

– Ну, так сообщайте, эвакуируйте. Дело-то и впрямь нешуточное.

– Верно, нешуточное, – соглашается Илья Игоревич. – Но вы не представляете, сколько людей придется лишиться долгожданного отдыха, за который они, между прочим, заплатили немалые деньги. В зону эвакуации попадает санаторий «Эллада», расположенные по соседству с ним дом отдыха и недавно открытый пионерский лагерь. Представляете?

Качаю головой:

– Вы бы еще полгорода эвакуировали. Двадцатиметровая глубина находится на приличном удалении от берега, плюс полоса пляжа – метров сто пятьдесят. Или вы считаете, что она ядерная?

– Не знаю, – смешно разводит он короткими руками. – Поэтому и обращаюсь к вам за помощью.

– И что я должен сделать?

– Просто осмотреть эту штуку и дать свое заключение.

Вдруг там не торпеда, а кусок старой канализационной трубы? А мы тут панику разводим – людей понапрасну пугаем и дергаем. Да и влетит нам от краевого начальства за ложную тревогу. Если там простая труба... Ну как, Евгений Арнольдович, согласны?

Сижу, раздумываю. Или делаю вид, потому что проклятая совесть начеку и заставляет быть примерным мальчиком. Атак неохота!..

Вздыхаю. Громко и сокрушенно. Чтоб Анапову из Агапы стало стыдно.

– Далеко топать?

– Обижаете, Евгений Арнольдович! – плешивая голова расплывается в широчайшей улыбке. – Завтра рано утром мы придем за вами машину. А после вашей экспертизы накормим царским обедом под водочку...

Вот это другой разговор! Если бы ты, товарищ Агапов, начал с обеда и водочки – я был бы гораздо сговорчивей.

Теперь самое время и представиться.

Я – Евгений Арнольдович Черенков. По отцу – русский, по матери – украинец и немного белорус. Капитан второго ранга, командир особого отряда боевых пловцов «Фрегат-22», находящегося в прямом подчинении руководителю одного из важнейших департаментов Федеральной службы безопасности. А он – человек весьма занятый, поэтому

«Фрегат» курирует тот самый шеф, который и генерал-лейтенант, и мой непосредственный начальник, и отец-благодетель, подаривший путевку в рай.

Ребята из «Фрегата» – особая «каста» великолепно подготовленных бойцов. Почему «каста»? Да потому что нас невероятно мало по сравнению с элитой сухопутных спецподразделений. Да и методика нашей подготовки являет собой «тайну за семью печатями». Когда-то советским пловцам приходилось учиться у итальянцев и англичан, а сейчас эти господа сами не прочь позаимствовать кое-что из нашего опыта.

Забыл сказать: мне тридцать пять, и я до сих пор выдерживаю тяжелейшие психофизические нагрузки боевого пловца или подводного спецназовца – кому как привычнее. Если бы мне довелось служить в рядах американских «тюленей» и выполнять задачи «Нэйви специал», то последние года три-четыре я лежал бы на диване, поплеывал в потолок и вспоминал былые подвиги. При счастливом раскладе остался бы в строю с нашивками советника или инструктора центра подготовки коммандос, школы боевых пловцов или рукопашного боя. Это у них там все по науке, а у нас...

Моя карьера стартовала в далеком детстве – в секции подводного плавания ближайшего к дому бассейна. Три раза в неделю мама приводила меня за ручку к огромному строению и сдавала под опеку тренеру – поджарому и добродушному Вениамину Васильевичу, так и оставшемуся для меня

на всю жизнь непрерываемым и самым большим авторитетом. Чуток повзрослев и окрепнув, я уговорил его взять меня с собой к теплому морю, где к простенькому снаряжению добавился акваланг. С тех пор я «заболел морем» и стал постоянным спутником Вениамина Васильевича в глубоководном дайвинге. Так постепенно легкое увлечение превратилось в серьезную спортивную карьеру: я начал показывать неплохие результаты, пришли победы на различных чемпионатах и кубках.

Видно, там, на спортивных соревнованиях, меня и заметили кадровики из Комитета государственной безопасности – аккурат к окончанию средней школы поступило заманчивое предложение, и я без вступительных экзаменов оказался зачисленным в Питерское высшее военно-морское училище, где ровно два года постигал азы военной службы с практикой на кораблях и подводных лодках.

КГБ тем временем реформировался и менял вывеску: КГБ РСФСР, АФБ, МБ, ФСК... К моменту моего перевода из военно-морского училища в закрытую школу боевых пловцов, подоспел Закон «Об органах Федеральной службы безопасности Российской Федерации», на основании которого ФСБ становилась правопреемницей ФСК. Еще через два года, сдав последние экзамены, я получил диплом с лейтенантскими погонами и был направлен стажером во «Фрегат-22».

Таким вот незатейливым образом спорт и хобби перерос-

ли в дело всей моей жизни.

* * *

За мной приехали ровно в семь.

Сохраняя конфиденциальность (как просил товарищ Агапов), я вышел из номера в пляжном прикиде с легкой сумкой на плече, спустился по лестнице и, не объясняясь с дежурной, покинул свой корпус.

Свежее утро, пустынная дорога вдоль побережья. Черный представительский автомобиль с каким-то пропуском на лобовом стекле домчал меня до нужного места за считанные минуты.

На пляже меня встретили двое спасателей: начальник станции и сотрудник, с которым разговаривал парень, обнаруживший на дне странный предмет.

Знакомимся, негромко болтаем о предстоящей работе и делимся предположениями. За разговором выясняю приблизительные координаты места, где находится предмет. Это уже кое-что.

Вскоре появляется товарищ Анапов из Агапы.

– Здравствуйте, Евгений Арнольдович! – едва не лезет он обниматься.

Коротко поздоровавшись, спрашиваю:

– Где шмотки?

– Простите? – непонимающе хлопает он выгоревшими

ресницами.

– Акваланг или ребризер.

– А-а! Сейчас должны подвезти. Я вчера договорился.

Ждем около получаса. Машины с дыхательным аппаратом нет.

Агапов волнуется, кому-то названивает, требует и торопит. Но что-то у него не срастается – с аппаратом заминка.

Зато к пляжу, резво прыгая на кочках, подкатывает машина «Скорой помощи».

Задумчиво шмыгаю носом:

– Это для меня?

– Так положено, – категорично отвечает Илья Игоревич и снова на кого-то орет по телефону.

Мне порядком надоела эта бессмысленная суета. Лезу в сумку за ластами и маской.

– Там метров двадцать, – предупреждает спасатель. – Сумеешь?

– Нормально. Лишь бы видимость была хорошей.

На пляже в такую рань полтора человека. Это нам на руку – зрители в таком деле ни к чему. Тем удивительнее явление двух женщин, идущих по песочку от машины «Скорой помощи» в нашу сторону. Шатенке лет под тридцать; она высока, сквозь легкий халатик просвечивают шорты и блузка. Рядом – среднего роста брюнетка лет двадцати пяти с объемной сумкой на хрупком плече. На ней такой же халатик, под которым ничего, кроме купальника.

– Врачи? – цепляю на бедро свой специальный нож, без которого по привычке глубже десяти метров не ныряю.

– Точно. Наши люди: врач и медсестра, – улыбается спасатель и вскидывает руку в приветствии: – Доброе утро, девчонки! И вас в такую рань подняли?

Те что-то весело отвечают, смеются, но я уже не слышу. Я иду к воде – к своей родной стихии.

Забредаю в воду по пояс, не спеша надеваю ласты. Ополоснув маску, водружаю ее на голову. И хорошенько прочистив легкие, без всплеска исчезаю под водой...

Фри-дайвингом – свободным нырянием без аппарата на задержке дыхания – я занимаюсь давно и чувствую себя превосходно до глубины метров тридцать. Запросто могу нырять и глубже – пока здоровье подобные эксперименты снисходительно прощает. Но мне хотелось бы заниматься любимой работой еще лет пятнадцать, поэтому приходится себя беречь. Да и видимость в прибрежных водах Черного моря такова, что всякая надобность в столь глубоководном плавании отпадает.

Сначала иду на детской глубине в точку, координаты которой указали ребята со спасательной станции. Это приблизительно в двухстах пятидесяти метрах от берега. По пути пару раз появляюсь на поверхности за глотком воздуха.

Кажется, здесь. Попробуем...

Первое погружение результатов не дает.

Двадцать метров – не мелководе, однако волны все же «стаскивают» от берега мусор и муть. Сейчас большой волны нет, но для детального исследования дна приходится по нему едва ли не ползать. Дело в том, что видимость под водой напрямую связана с освещенностью дна, а та, в свою очередь, зависит от положения на небе нашего светила. Наиболее глубоко солнечные лучи проникают на экваторе, когда солнце висит в зените. При погружении в тех краях иногда кажется, будто причудливый рельеф просматривается до отметки метров в триста. На самом деле цифра поскромнее, но тем не менее в заполярных районах такой фокус не проходит – там вода несравнимо прозрачнее, а без искусственного освещения и на глубине семидесяти метров черта с два и собственную руку увидишь.

Вторая попытка. Немного смещаюсь от обследованной территории к северо-западу. Около двух минут шныряю галсами над подводными барханами и, ничего не обнаружив, снова поднимаюсь вверх.

Третий заход. Прочесываю дно юго-восточнее отправной точки. Пусто.

Поднявшись на поверхность, ложусь на спину. Пора немного перевести дух, а заодно сместиться подальше от берега.

С четвертой попытки натыкаюсь на вытянутый предмет, наполовину присыпанный песком и мелким камнем. Солнце еще низковато и недостаточно хорошо освещает мутноватое

дно, чтобы с приличного расстояния точно классифицировать происхождение находки. Решаю подплыть ближе.

Вот оно. Нечто длинное – метров семь, жутко старое, изъеденное коррозией.

Осторожно сбрасываю ладонями грунт и узнаю один из стандартных калибров: 533 миллиметра. Дабы окончательно убедиться в том, что передо мной торпеда, смещаюсь к хвостовой части и снова изображаю из себя земснаряд.

Четыре полусгнивших стабилизатора и останки двух соосных гребных винтов. Это очень старая конструкция боевой торпеды. Где-то мне доводилось ее видеть...

Впрочем, пора наверх.

Поднимаясь, краем глаза замечаю и второй продолговатый предмет, лежащий немного дальше.

«Неужели следующий сюрприз Второй мировой войны? – заползает в голову нехорошая мысль. – Если так, то я влип. Сейчас товарищ Анапов из Агапы насыдет: нырни еще разок – уточни, сколько там этого добра...»

Внезапно боковым зрением улавливаю некую странность: вторая торпеда будто оживает и с невероятной скоростью срывается в сторону открытого моря.

Господи, что за хрень?

Разворачиваюсь и пытаюсь разглядеть непонятное явление.

Не получается – слишком мутная вода делает видимость отвратительной. Заинтригованный, я вновь устремляюсь к

поверхности...

Глава 2

Турция, Стамбул.

Одиннадцать месяцев назад

– Мост, – негромко предупреждает Мехмет.

На самом деле до моста еще пилить и пилить. Просто грузовичок с легковым авто, перевалив через возвышенность и покинув район Бейоглу, оказались на спуске с отменным видом на пролив и Первый Босфорский мост.

Башкурт нажимает несколько клавиш на мобильном телефоне.

– Да, босс, – отзывается водитель грузовика.

– Скоро улица Бешикташ и поворот на бульвар – не проскочи.

– Да-да, мы помним...

По мере приближения к висячему мосту и к главной цели поездки напряжение нарастает. Подцепив из пачки очередную сигарету, главарь цедит сквозь зубы:

– Повтори-ка наши действия, Мехмет.

– Если дорожная полиция тормознет грузовик, останавливаемся метрах в двадцати сзади, – четко отвечает сидящий за рулем тридцатилетний турок.

– Правильно. Что дальше?

– Мы как будто не с грузовиком – сами по себе. Осторожно наблюдаем за проверкой и ждем.

– Чего ждем?

– Окончания проверки.

– А если они полезут проверять груз?

– Покидаем машину, подходим и снова глядим.

– Ну, дальше-дальше! – торопит босс.

– Если «евнухи» проверяют верхние или ближайшие к дверям коробки, в которых мониторы, системные блоки и принтеры, то прогуливаемся рядом и не вмешиваемся. Если лезут глубже – расстреливаем в упор, прыгаем в машины и чешем через пролив.

– Все правильно, Мехмет, – поправляет Башкурт спрятанный за поясом пистолет. – Молодец...

Предложенная Али Эрдоганом работенка была настолько легкой, что Башкурт сначала даже не поверил своим ушам. Неужели за провоз пятисот килограммов какого-то барахла через пролив с его банды спишут огромный долг?! Да, расстояние немаленькое – товар следовало не просто перекинуть с одного берега Босфора на другой, а перевезти из района международного аэропорта Ататюрк в азиатский район Стамбула Ускюдар. И если Ускюдар располагался буквально на берегу пролива – сразу у съезда с Первого Босфорского моста, то аэропорт – в двадцати пяти километрах от цели – аж на берегу Мраморного моря. Целых двадцать пять километров по пятнадцатимиллионному мегаполису! Далековато. По времени поездка займет часа полтора, не меньше. Покуда минуешь все мосты и развязки, покуда поторчишь на

светофорах и в огромных пробках...

Само собой, риск в деле имеется. Кто знает, что лежит в темных картонных коробках, уложенных аккуратными рядами в фургоне грузовичка-полутурки? На картоне изображена компьютерная техника; наклеено множество этикеток, свидетельствующих о легальности сертифицированного товара; у сопровождающего груз имеются все необходимые перевозочные документы. Более того, в коробках, сложенных у дверей фургона, и в самом деле упакованы новенькие мониторы, системные блоки и что-то там еще. А вот в глубине... Эрдоган не стал посвящать в подробности и сохранил это в тайне, но там запросто могут быть наркотики, оружие, пластиковая взрывчатка и даже замороженные человеческие органы – все, что угодно! Там может быть спрятан такой криминал, за перевозку которого любой судья упечет за решетку лет на двадцать.

Невероятный риск! Однако дело того стоило. Огромный долг, висевший непосильным грузом на банде Башкурта, рано или поздно пришлось бы возвращать. Али Эрдоган, которому они задолжали пять миллионов долларов, – очень большой, влиятельный и дальновидный человек. Он – не сосед по кварталу и даже не главарь другой банды. Его гнев способен лишить Башкурта не только благополучия, но и жизни. Потому-то он и не раздумывал, получив заманчивое предложение Эрдогана отработать огромный долг перевозкой небольшого груза...

Район Бешикташ. Одноименная улочка, натянутая тонкой стрункой вдоль берега, и площадь с высоким монументом и крохотной пристанью. На площади грузовичку и «БМВ» следует подвернуть влево – обогнуть мечеть Синан-паши и выехать на бульвар Барбаросса, названный в честь Хайреддин-паши – прославленного пирата, а затем и адмирала. По бульвару они попадут на широкую трассу, напрямик выходящую к Первому Босфорскому мосту.

– Как обстановка? – спрашивает по телефону Башкурт.

Парни в кабине грузовика настроены оптимистично:

– Пока все спокойно, босс, «евнухов» не видать. Скоро будем у пролива.

Остается совсем немного. Они почти у площади, а от нее до начала моста не более трех с половиной километров. Каких-то десять-пятнадцать минут, и вся компания окажется на азиатском берегу пролива. В восточной части города полицейских поменьше, да и ехать до центра района Ускюдар осталось всего ничего.

Вдали уже виднеются желтые таксомоторы, автобусы и долмуши – маршрутные такси, коих на площади Бешикташ всегда полно. На примыкающей к площади набережной имеются удобные причалы для многочисленных лодок и вместительных судов. На пристань автодорожный транспорт свозит массу туристов, желающих за относительно небольшую плату полюбоваться красотами Стамбула со стороны пролива.

Снова верещит сотовый.

– Босс, у нас проблема.

– Говори.

– Впереди «евнухи» и «башибузуки».

О, Аллах! Это действительно проблема!

– Сколько «башибузуков»?

– Две машины. И одна – «евнухов».

– Шайтан!.. Народу вокруг много?

– Хватает. В основном иностранцы и наши таксисты.

– Понятно. Попробуйте проскочить.

– Хорошо, босс, попробуем. А если не получится?

– Деваться некуда, – говорит Башкурт тихим, но упрямым голосом. – Если не проскочим – будем действовать согласно разработанному плану.

Дорожные полицейские груз проверяют нечасто. Они больше заняты безопасностью движения на улицах и магистралях. Изредка требуют для проверки перевозочные документы у водителей фур и небольших грузовиков.

А вот встреча с «башибузуками» – представителями турецкой национальной полиции – хорошего не сулит. Башибузуками во времена Османской империи называли отряды турецкой пехоты, не входившие в регулярную армию. Дословно «башибузук» означает «с неисправной головой» или «больной на голову». Набирали их в воинственных племенах Албании и Малой Азии. Воевать они умели что надо и частенько оказывали неоценимую помощь в решающих сраже-

ниях. Зато после окончания боевых действий турецкое командование с огромным трудом избавлялось от этих мародеров, не щадящих никого из мирного населения.

Нынешние «башибузуки» отвечают за безопасность законопослушных граждан, за соблюдение законности и порядка на улицах городов. Национальная полиция имеет несколько подразделений: отдел по борьбе с наркотиками, отдел расследований убийств и тяжких преступлений, отдел по борьбе с коррупцией... Эти суровые ребята всегда хорошо вооружены и не церемонятся с преступившими закон. Запросто остановят любого и обшмонают с ног до головы. Кстати, даже «евнухи» находятся под контролем «башибузуков».

Тихо выругавшись, Башкурт шипит:

– Езжай спокойно, Мехмет, ничего не случилось. Мы просто следуем за грузовиком.

Да, внешне действительно ничего не изменилось – чистенький грузовичок с фургоном равномерно движется по дороге, за ним с той же неторопливой степенностью едет черный «БМВ» пятой серии.

Сначала Башкурт замечает бело-синюю машину дорожной полиции и двух «евнухов» в синей форме. Один рассматривает документы остановленного мотоциклиста, другой важно расхаживает вдоль проезжей части, третий находится в салоне машины и разговаривает по рации с начальством.

А буквально через пару секунд взору открывается тени-

стое местечко, облюбованное «башибузуками». Их он тоже узнает сразу. Ну как же не узнать старых знакомцев после стольких лет плотного и не слишком приятного общения! Пять или шесть крепких истуканов в темной приталенной форме, с висящими на плечах короткими пистолетами-пулеметами стоят плотной кучкой неподалеку от «евнухов».

«Вдруг пронесет?» – надеется Башкурт, когда грузовик вкатывается на площадь и плавно поворачивает влево.

Повезет, но не в этот раз.

Короткий недвусмысленный жест болтающегося вдоль дороги офицера дорожной полиции, и грузовик, сбрасывая скорость, принимает вправо.

Грязно выругавшись, главарь приказывает остановиться под сенью высокого раскидистого дерева. В салоне повисает тишина; оба закуривают и молча наблюдают за действиями «евнуха».

Поначалу проверка происходит буднично: человек в синей форме разглядывает водительское удостоверение и документы на машину. «Башибузуки» не обращают на грузовик внимания – стоят в сторонке и, посмеиваясь, о чем-то переговариваются...

Затем дело доходит до перевозочных документов.

– Чего ему надо?! – рычит сквозь зубы Башкурт. – Черт!.. Не было бы здесь «башибузуков» – давно бы отпустил грузовик!

– Да он бы его и не остановил! – в унисон возмущается

Мехмет.

А «евнух» меж тем просит открыть дверцы фургона и медленно смещается к корме полуторки.

Обернувшись, Башкурт достает с заднего сиденья пару тонких ветровок.

– Пошли, – бросает одну водителю.

Оба покидают салон «БМВ». Прикрывая ветровками торчащие из-за поясов брюк рукоятки пистолетов, направляются к продавцу холодных напитков, сгучающему у лотка под матерчатым навесом. Башкурт выбирает бутылочку «Efes Pilsener», Мехмет покупает стаканчик айрана. Отступив на шаг, мужчины неторопливо пьют и настороженно наблюдают за всем происходящим.

Старший «евнух» по-прежнему разговаривает с начальством, второй донимает мотоциклиста, а третий сверяет перевозочные документы с этикетками на коробках. Там все в порядке, и он вряд ли к чему-то прицепится. Лишь бы не полез проверять содержимое.

Он бы точно не полез, если б от компании «башибузуков» не отделился самый любопытный и не подвалил к распахнутым дверцам фургона.

– Чего везет?

– Оргтехнику. С документами все в порядке.

– Показывай товар! – грубо командует полицейский.

Водитель нехотя подвигает к краю ближайшую коробку, открывает картонную крышку и демонстрирует аккуратно

упакованное содержимое.

– Возьми вон ту – из второго ряда!

Тот послушно тянет следующую тару, а Башкурт с Мехметом делают несколько осторожных шагов к грузовику.

Во второй коробке упакован плоский монитор.

– Покажи из третьего ряда. Ту, на которой нарисован ксерокс!

Коробка шуршит по металлическому полу, слышится звук надрываемой упаковочной ленты. Главарь банды с помощником незаметно взводят курки пистолетов...

– Теперь следующую – из середины! – не унимается «башибузук».

– Что я скажу владельцу товара по поводу вскрытых коробок? – возмущается водитель. – Он же потребует объяснений!..

– Показывай! Или захотел в участок?..

Договорить ему не дает резкий хлопок. Башкурт стреляет из-под обернутой вокруг руки ветровки. Он надеется на то, что слегка приглушенные звуки выстрелов сольются с шумом проезжающего мимо автотранспорта.

Второй хлопок отбрасывает «евнуха».

– В кабину! – приказывает водителю грузовика главарь.

Поздно – стрельбу услышал другой офицер дорожной полиции, общающийся неподалеку с мотоциклистом. Спрятавшись за мотоциклом, он предупреждает «башибузуков» и тащит из кобуры табельное оружие.

Пистолет он выдернуть не успевает, получив пулю от парня, сидевшего в кабине грузовика. Однако ситуацию это не спасает: сотрудники турецкой национальной полиции мгновенно открывают шквальный огонь на поражение из своих короткоствольных пистолетов-пулеметов. Их не смущает скопление народа на площади, им плевать на нескончаемую вереницу наполненного пассажирами транспорта. На то они и «башибузуки».

На площади Бешикташ паника: туристы прячутся или бегут прочь от берега; таксомоторы и долмуши один за другим отчаливают от стоянки и с диким ревом уносятся по бульвару...

Вероятно, сидящий в кабине полуторки парень погиб сразу. Башкурт с Мехметом и водителем грузовика отстреливаются, скрываясь за фургоном.

Патронов не жалеет ни та, ни другая сторона.

Меняя магазин, Башкурт замечает дым, идущий из-под капота «БМВ», – кажется, «башибузуки» прострелили двигатель. Это осложнит отступление. Впрочем, до него еще надо отделаться от полиции, а это чертовски сложно.

Первым падает и хрипит Мехмет – пуля проходит навылет сквозь шею, повредив аорту и шейные позвонки. Парень недолго мучается – через полминуты застывает, устремив взгляд темных глаз в бескрайнее небо.

– Что делать, босс?! – трясущимися губами спрашивает шофер грузовичка.

– Стреляй! Не давай им подойти слева!

– Патронов больше нет...

– Возьми пистолет Мехмета!

Он тянется за пистолетом и резко падает. Упав, катается по асфальту и воет страшным голосом.

– Куда тебя? – экономно расходуя боеприпасы, кричит Башкурт.

Извиваясь и не прекращая орать, тот оказывается на незащищенном месте и с ходу получает в тело несколько пуль. Судорожно дергается и... затихает.

На секунду задержав на нем взгляд, главарь банды осознает: это конец. Если он задержится на проклятой площади хоть минуту – его изрешетят пулями, а изуродованное тело потом не опознает даже родной брат Дениз.

Присев на корточки, он делает пару выстрелов и оглядывается по сторонам...

– Ага! Ты-то мне и нужен! – видит он лежащий неподалеку на асфальте мотоцикл, хозяина которого так долго проверял один из убитых «евнухов».

До мотоцикла шагов пять или шесть. Немного, но хватает, чтобы стать мишенью для хорошо обученных стрелков.

Что делать?

Есть выход.

Башкурт расходует последние патроны.

Однажды в похожей перестрелке он применил простой и действенный способ, позволивший выиграть пару-тройку се-

кунд. Отбросив пистолет с пустым магазином, он нащупывает лежащую на асфальте пустую темно-зеленую бутылку из-под «Efes Pilsener». Взяв ее поудобнее за горлышко, он выкрикивает проклятие в адрес «башибузуков» и кидает мულж гранаты по очень высокой траектории.

Покуда «граната» описывает дугу и приближается к полицейским, Башкурт стремглав бежит к сине-черному «Kawasaki». Оседлав его, поворачивает торчащий в замке зажигания ключ и давит на кнопку стартера.

Есть! Мотоцикл оживает ровным свистящим гулом.

Спустя секунду, пригнувшись над низким рулем, Башкурт срывается с места. И в тот же миг ощущает сильный удар в правую ногу.

Мотоциклетный двигатель внезапно выходит на максимальные обороты и глохнет.

«Подстрелили, – догадывается бандит. – Опять вляпался! Был бы еще выход из этого дерьма...»

Успевший набрать скорость мотоцикл катит против движения транспорта вдоль площади. Сама площадь с белокаменным монументом Хайреддин-паши остается слева. Дальше ехать нет смысла – «башибузуки» запрыгнут в машины с форсированными движками и догонят его за полминуты. Тем более скорость мотоцикла падает, а с раненой ногой далеко не убежишь...

Решение приходит мгновенно.

Башкурт резко поворачивает руль влево и прыгает по сту-

пеньям короткой лестницы, отделяющей площадь от тротуара и проезжей части. Объехав монумент и несколько огороженных каменными парапетами деревьев, он снова набирает скорость – площадь имеет заметный уклон в сторону моря.

Невысокое препятствие в виде одного бордюра, второго – и он оказывается на пристани. Здесь тоже много препятствий: стоящие на постаментах старинные пушки, лавочки, парапеты с прячущимися за ними туристами.

Лавируя между всем этим, Башкурт выбирает нужное место...

Вот оно! Свободный от брустверов и бортиков край пирса рядом с отдельно стоящим зданием кафе. Вперед!

Не снижая скорости, мотоцикл с рискованно седоком проскакивает оставшиеся метры и, оторвавшись от земли, совершает громадный прыжок.

Пирс невысок, и полет длится чуть дольше секунды. Плюх!

Фонтан зеленоватых брызг и расходящиеся от места падения круги...

Скоро на краю пристани появляется несколько «башибузуков». Их лица перекошены от злобы, в руках – готовое к стрельбе оружие. Старший отправляет двоих подчиненных влево от пирса, двоих – вправо; сам остается на месте и с мстительным нетерпением вглядывается в мелкую прибрежную рябь. Никого...

Глава 3

Российская Федерация, Черноморское побережье.

Три недели назад

Не знаю, что меня больше заинтриговало: обнаруженная на дне торпеда или странный предмет, буквально «оживший» на моих глазах и умчавшийся в сторону открытого моря.

Всплываю. В голове сумбур.

Сделав несколько взмахов руками, обнаруживаю неподалеку надувную шлюпку с подвесным мотором и сидящими на ее бортах парнями-спасателями.

Подзываю их и прошу обозначить место якорным буюм.

– Нашел? – помогают мне спасатели забраться в шлюпку.

Открываю рот, чтобы рассказать о торпеде, и... лишьжимаю плечами. Внезапно приходит осознание простой вещи: если я не проясню ситуацию с удивительно «ожившей» штуковиной, то никогда не прощу себе эту слабость. А для выяснения подробностей необходимо еще раз спуститься под воду.

«Что, Черенков, охота пощекотать в паху нервы? – спрашиваю сам себя. И себе же отвечаю: – Ну, тогда овощ тебе в помощь. В смысле – хрен с тобой...»

– Показалось, будто что-то лежит на дне, вытянутое... Воздуха не хватило. Нужно еще разок проверить.

– Мы как раз акваланг подвезли, – информирует старший.

– Проверили? Заправлен?

– Давление в норме.

Приваливаюсь к борту.

– Сейчас, мужики, чуток передохну.

– Ничего-ничего – мы подождем. Сигаретку дать?

– Спасибо – не курю.

– И то правильно. Для такой работенки легкие нужны, как меха у баяна!..

Под ненавязчивый треп спасателей я гляжу в небо и думаю о найденной торпеде. Я уже догадался, что за боеприпас мне попался на двадцатиметровой глубине.

Солнце довольно высоко, и дно освещается – лучше некуда.

Старенький акваланг работает исправно. Я на глубине. Осматриваюсь...

Торпеда со следами моих раскопок лежит на прежнем месте. А вот второй предмет, внезапно сорвавшийся со дна и уплывший, исчез.

Тяну за рукоятку нож и медленно приближаюсь к песочному бархану, под которым покоилось это нечто...

На песке небольшие углубления; вокруг – полосы и ро-счерки, словно размышляя над сложной задачей, кто-то рисовал замысловатые фигуры.

Делаю вокруг торпеды большой «круг почета», внима-

тельно вглядываясь в каждую складку...

Никого. И ничего. Что ж, займемся торпедой...

Повторно и более основательно изучая семиметровую «дуру», чье боевое зарядное отделение содержало двести восемьдесят килограммов взрывчатого вещества, я уже не сомневаюсь: передо мной одна из первых немецких электрических торпед – G7e, принятая на вооружение флотом фашистской Германии в начале Второй мировой войны. Революционное для своего времени изделие – «бесследное» и способное пройти на тридцати узлах дистанцию в семь с половиной километров. К слову, Советский Союз подобного совершенства в производстве торпед достиг лишь к концу войны.

Просьба Анапова из Агапы выполнена – заключение готово. Жаль, что на дне оказалась настоящая торпеда, а не кусок трубы, – людей действительно придется эвакуировать. Но свою работу я сделал качественно. Теперь можно и расслабиться. Сейчас выполню «круг почета» и рвану наверх...

Круг я не завершил, увидев летящую из мутной глубины тень.

Господи, да что за хрень тут происходит?!

До поверхности далековато, спрятаться не за что. Остается одно – выхватить нож и приготовиться ко всякого рода неожиданностям.

Сгруппировался, жду. План предельно прост: хочу вернуться от первого удара и пустить в ход свое единственное оружие.

Часто подрагивая вверх-вниз, тень приближается, ее размеры увеличиваются...

Приглядевшись, я вдруг понимаю: это же афалина! Обыкновенный черноморский бутылконосый дельфин.

От данного открытия легче не становится. Да, дельфин. Да, лучший друг человека в море. Но с его психикой явно что-то не в порядке, ибо случаев нападения этих животных на людей я не припомню. Хоть убей – не припомню.

Работая мощными хвостовыми плавниками и разгоняясь, гибкое гладкое тело скачет вверх-вниз, вверх-вниз. Дистанция стремительно сокращается.

Чувствую, уклониться от атаки будет невероятно сложно.

Я уже гадаю, чем он нанесет удар – развитым клювом или выпуклой лобно-носовой подушкой, – когда ситуация разом меняется: на удалении метров восьми дельфин вдруг перестает работать хвостом и теряет скорость. До меня он доплывает по инерции.

Выставляю левую ладонь с тем, чтобы отвести в сторону его морду, а он делает последнее резкое движение: уходит вниз и бьет по предплечью высоким спинным плавником. Это не похоже на атаку, а скорее имитация.

Обессиленный дельфин беспомощно опускается на дно. Погружаюсь следом и замечаю тонкий блестящий предмет, торчащий в его светлом брюхе.

Ах, вот в чем дело! Видимо, какая-то сволочь решила поохотиться и всадила в афалину стальной гарпун. В таком

случае агрессивное поведение взрослой и довольно крупной особи вполне объяснимо.

Афалина мягко ложится на дно и конвульсивно дергает телом, отчего торчащий гарпун чертит на донных отложениях замысловатые фигуры. Теперь понятно происхождение линий и росчерков вокруг углублений на песке.

Внешне дельфин спокоен, но глаза и грудные плавники выдают нервозность. К тому же периодически слышен тонкий свист – звук, издаваемый этими животными в минуты опасности.

Подплываю ближе. Осторожно прикасаюсь к глянцевой спине. Осматриваю торчащий в теле гарпун...

Нет, пожалуй, лучше его не трогать. Гарпун нанес проникающее ранение, и неквалифицированная помощь может навредить внутренним органам бедного дельфина.

Глажу спину у плавника, смотрю в усталые, наполненные болью глаза. Эмоций у животного почти нет.

Вспоминаю о том, что дыхательные паузы у афалин продолжаются от нескольких секунд до шести-семи минут. Особо натренированные особи способны находиться под водой без дыхания до четверти часа.

Прячу нож и обхватываю тело раненого бедолаги. Пойдем-ка, дружище, наверх – подышим!

Его длина – метра три с половиной, вес – более трехсот килограмм. Солидный экземплярчик!

Он совершенно ослаб и не оказывает сопротивления.

Несмотря на интенсивную работу моих ног, на поверхность мы поднимаемся очень медленно...

Спасатели в шлюпке встретили наше появление на поверхности дружным возгласом:

– Оп-па! Это и есть та злополучная торпеда?

– Нет, это раненый дельфин. А торпеда лежит на дне ровнехонько под нами.

– Что, правда? Прямо под нами? – испуганно тарашит глаза начальник спасательной станции.

– Правда. Старая немецкая торпеда G7e.

– Охренеть...

– Ладно, ребята, чего там удивляться! Она почти семьдесят лет тут отдыхает и еще столько же пролежит. Бросайте буй...

В воду летит якорь, увлекая за собой белый пропиленовый фал от яркого бело-красного буйа. Таким образом мы маркируем место найденной торпеды, дабы специалистам по разминированию было проще ее отыскать.

Я остаюсь в воде и прошу парней помочь доставить к берегу раненого дельфина.

Распределившись, начинаем движение: одной рукой я цепляюсь за борт, другой обнимаю афалину; начальник станции поддерживает животное за грудной плавник; молодой спасатель у мотора управляет лодкой.

Медленно приближаемся к берегу...

– Что? Что там? – подбегает к самой воде местное началь-

ство.

Мы осторожно затаскиваем «трофей» на мелководье. Затаскиваем и укладываем на песок под накатывающую волну так, чтобы не потревожить торчащий в брюшном боку гарпун.

По ходу рассказываю о сделанном заключении. Анапов из Агапы бегает вокруг и всплескивает короткими ручками:

– Вы уверены? Вы не ошиблись? А вы хорошо посмотрели?..

– Немедленно звоните в МЧС и хотя бы оцепите пляж, – повышаю голос. – На дне лежит немецкая торпеда времен Великой Отечественной войны. Вес боевой части – двести восемьдесят килограмм.

Этой информации достаточно. Перепуганный Илья Игоревич с прижатым к уху телефоном убегает подальше от линии прибой. В принципе, Агапов – молодец, свои обязанности главы районной администрации худо-бедно исполняет. Одному богу известно, сколько я встречал мрази, пришедшей во власть исключительно ради собственного кармана. Такой и пальцем бы не пошевелил, прознав о старом боеприпасе, лежащем на дне общедоступного пляжа.

Подхожу к девчонкам со «Скорой помощи».

– Поможете?

– Чем? – нерешительно мнутя они.

– Надо бы вытащить гарпун из афалины. Жалко животину – мучается.

– Я не возьмусь, – решительно мотает головой врачиха. – Понятия не имею о внутреннем строении дельфинов. А по неопытности можно что-нибудь повредить наконечником этой острой штуки.

– Я тоже ничего о них не знаю, – испуганно шепчет медсестра.

– Что же делать? Кто-то из людей искалечил его – значит, мы же, люди, и должны помочь.

Они растерянно пожимают плечиками.

Сижу вместе со спасателями возле дельфина. Черт его знает, но иногда вид умирающего животного вызывает во мне такое сострадание, которое заслуживает не всякий человек. Девушки-медики топчутся рядом.

Тишина. Тихий шелест прибоя. И только вдалеке слышатся нервные завывания сирены...

– Я знаю, кто поможет! – вдруг заявляет врачиха. – Эльвира – дочь главврача!

– Точно, – восторженно шепчет сестра.

Осторожно интересуюсь:

– А она специалист?

– Она заочно учится в зооветеринарном. Перешла на последний курс.

Зооветеринарный? Это уже ближе, сгодится.

– Далеко живет?

– Тут все рядом. В Анапе во все концы – двадцать минут!

Мы сейчас ее привезем!.. – похватав шлепанцы, убегают дев-

чонки.

Мы переглядываемся и в легком недоумении провожаем порхающие над горячим песком тонкие белые халаты.

Автомобиль «Скорой помощи» появляется на пляже одновременно с несколькими спецмашинами: МЧС, пожарными, милицейскими. Из «Скорой» выходят трое и направляются к нам. Женщина лет сорока пяти несет металлический чемоданчик и ведет под руку молоденькую девушку; та, в свою очередь, держит за переднюю лапу рыжего орангутанга-подростка.

– Главврач с дочерью, – тихо подсказывают спасатели.

– А почему она ведет дочь под руку?

– Эльвира слепа от рождения.

Понятно. Эльвира – тоненькая, светловолосая девчонка в простеньком сарафане поверх купальника. На бесстрастном лице темные очки, походка неуверенная, осторожная. На вид – лет девятнадцать-двадцать.

Ее мама – обычная женщина: средний рост, нормальная комплекция, ничем не примечательная внешность. Вот только во взгляде усталость и жуткая безысходность.

Орангутанг – беззаботный и шаловливый, как все дети. Получив свободу, он тут же присаживается возле дельфина и с любопытством изучает его морду.

– Здравствуйте, – говорит главврач серым невыразительным голосом. – У вас тут какие-то страсти намечаются? Саперов вызвали, пляж оцепляют, а Эльвира уговорила меня

приехать – хочет осмотреть вашего пациента.

Делаю шаг навстречу.

– Доброе утро. Афалину нашли со стальным гарпуном в брюхе. Сами вытаскивать железяку побоялись.

– И правильно. Лучше не трогать, – тихо говорит девушка. – Покажите, где он?

Мать подводит дочь к афалине, а я вкратце пересказываю историю нашей встречи на глубине.

Выслушав, она аккуратно ощупывает рану, интересуется:

– Давно он лежит на мелководье?

– С полчаса. Но это же не опасно. Он же не рыба, он дышит воздухом.

– Опасность заключается в другом...

Ее тонкие пальчики нежно поглаживают кожу афалины. Мама стоит позади и ни словом, ни жестом не вмешивается в действия дочери. Доверяет.

Зато орангутанг Яшка весь душой и сердцем с ослабевшим дельфином. Обнимая длинными мохнатыми руками его блестящее тело, он прижимается, смешно складывает в трубочку губу и целует новоиспеченного друга в лоб.

Я вместе со спасателями зачарованно смотрю на руки Эльвиры, с помощью которых она получает всю информацию из внешнего мира.

– ...Опасность заключается в том, – убежденно говорит она, – что дельфин не может находиться длительное время на суше.

– Почему?

– Из-за большого веса тела и повышенного давления его внутренние органы деформируются.

– Понятно.

– Что это? – спрашивает девушка, наткнувшись на небольшое ровное отверстие в спинном плавнике.

– Дырка. Я ее заметил еще под водой, – пожимаю плечами. – Обычный след от старой раны. Наверное, за что-то зацепился. Знаете, под водой ведь много всякого мусора: арматура, проволока, куски металла и стекла...

– Да-да, я слышала об этом. Пожалуйста, поливайте его время от времени водой, чтобы не пересохла кожа и не произошло теплового удара.

Мы послушно выполняем указание. А Эльвира начинает извлекать гарпун.

Я ни черта не смыслю в лечении животных, но, по-моему, девушка торопится и забывает об осторожности.

– Стоп! – протестую против юношеского максимализма. – Предлагаю его подержать – он же ударом хвоста быка свалит!

– Нет-нет, что вы! – смеется она. – Афалины очень терпеливы и с благодарностью принимают медицинскую помощь от людей.

Терпение терпением, но я, помяная о чувствительном ударе в спину, все же отгоняю юного орангутанга и кладу руку на хвостовой плавник.

Словно заметив мою предосторожность, девушка улыба-

ется и ловко извлекает гарпун из белого дельфиньего брюха.

Мне пришлось вновь поплавать с новым приятелем. Вернее, потаскать его по мелководью.

Создав оперативный штаб и выставив оцепление вокруг пятисотметровой пляжной зоны, товарищ Анапов из Агапы добрался и до нас.

– Евгений Арнольдович, примите мою сердечную благодарность за помощь в классификации этой проклятой немецкой торпеды, – разводит он короткими ручками, – но я вынужден попросить вашу дружную компанию освободить берег. Через двадцать минут сюда прибывает группа разминирования.

Молодец, дядька, быстренько все организовал. Ты – реликт, попавший в списки «Единой России» по счастливой ошибке. Побольше бы таких «ошибок» на бескрайних российских просторах – глядишь, и жизнь бы у нас наладилась...

Безропотно подчиняемся. Совместно со спасателями перемещаем афалину на метровую глубину и потихоньку транспортируем до границы зоны оцепления. Девушка в сопровождении своей мамы и заботливого Яшки проделывает тот же путь берегом.

На новом месте – возле пирса, уходящего в море метров на двести, – главврач «Скорой помощи» просит нас присмотреть за дочерью и отбывает в оперативный штаб.

Я бы рад присмотреть, но вскоре мой взгляд натывается на

приехавших специалистов по разминированию. Двое относительно молодых мужчин лет по тридцать подошли с сумками к шлюпке и начали обряжаться в акваланги. . . Не знаю, насколько они опытни как саперы, но пловцы из них никакие – это видно за версту.

Извинившись перед девушкой, направляюсь к стоящему на безопасном расстоянии Агапову.

– Илья Игоревич, кто эти ребята?

– Как кто? – удивляется тот. – Офицеры из ближайшей инженерной воинской части.

– Вы поинтересовались, сколько у них за плечами погружений?

– Нет.

– Напрасно. . .

– А в чем дело? – настороженно промокает он лысину.

– В том, что двадцатиметровая глубина отлично подходит для ознакомительного погружения начинающего дайвера. Так. . . поболтаться минут десять-пятнадцать у дна, поглазеть на красивые кораллы и рвануть обратно на поверхность.

– Вы хотите сказать, что для выполнения серьезных работ. . .

– Естественно, Илья Игоревич. Вы же неглупый человек, насколько я успел убедиться.

Он долго трет платком наморщенный лоб, а я с усмешкой наблюдаю за процессом возле шлюпки. Вздохнув, предлагаю:

– Давайте я пойду на глубину вместе с ними и осторожно, не мешая их работе, подстрахую.

Лицо дядьки просветлело.

– Правда? Поможете?

– Куда ж от вас деваться?.. Про царский обед с водочкой только не забудьте...

Работа по разминированию старой торпеды продолжалась около часа. Парни оказались неплохими спецами и довольно быстро отделили от носовой части проржавевший инерционный взрыватель. Я находился поблизости, наблюдал и пару раз своевременно подавал команду на всплытие, потому что саперы напрочь забывали контролировать давление в баллонах.

Во время всплытия я притормаживал молодецкий порыв, спасая ребят от легкой формы кессонки. В шлюпке помогал сменить аппараты и давал кое-какие советы, облегчающие работу на глубине.

В общем, мы неплохо справились с работой и передали обезвреженный боеприпас прибывшему буксиру с работягами-водолазами. Те быстренько его подцепили и поволокли на военный полигон для полного и окончательного уничтожения.

Простившись с ребятами, я отправился проведать спасенного дельфина.

Подхожу. Как ни странно, возле слепой девушки вижу

только орангутанга по имени Яшка. Он обнимает афалину, словно старого друга. Эльвира увлеченно занимается пациентом: обрабатывает рану, делает инъекции.

Присаживаюсь рядышком и я, с изумлением наблюдая за тем, как девушка безошибочно находит в небольшом современном чемоданчике нужные инструменты и препараты и искусно с ними управляется.

Обрадовавшись моему возвращению, она запросто поддерживает разговор, из которого я узнаю весьма занятные вещи. Оказывается, слово «дельфин» происходит от греческого «дельфос», означающее «брат». Оказывается, в той же Греции за убийство дельфина карали смертной казнью, ибо на протяжении тысячелетий они были и остаются лучшими друзьями человека.

С искренним удовольствием признаю:

– Вы очень любите животных и свою будущую профессию. Это здорово.

– А как же иначе? Вас Евгений зовут?

– А вы – Эльвира?

– Да. Если хотите, можем на «ты».

– Конечно. Так проще.

– Ты кем работаешь, Евгений?

– В данный момент нахожусь в отпуске.

– А между отпусками?

– Служу в отряде боевых пловцов. Ныряю, как этот дельфин, только плавать под водой так хорошо еще не научился.

Наш пациент постепенно отходит от болевого шока. Продолжая удерживать хвостовой плавник, я ощущаю невероятную силу в его мышцах.

Яшка ничего не боится: ползает по глянцевому телу, издает какие-то звуки, прижимается к нему.

Вскоре девушка заканчивает врачевание, собирает и складывает медицинский инструмент в свой блестящий чемоданчик.

Спрашиваю:

– Что с ним делать дальше?

– Не знаю. Он здорово ослаб. Неплохо бы предложить ему живой рыбы.

– Сейчас устроим. – С надеждой смотрю на десяток рыбаков, сидящих на пирсе с длинными удилищами. – Пяток минут подождешь?

– Конечно.

Выудив деньги из кармана шорт, несусь на пирс.

Рыбачки сговорчивы: продадут – еще наловят, и вскоре я возвращаюсь с целым пакетом живой кефали.

Вначале дельфин не реагирует на угощение. Эльвира настойчиво гладит его, уговаривает. Что-то по-своему пытается объяснить и Яшка.

В конце концов, афалина нехотя съедает одну рыбешку, вторую... Аппетит постепенно просыпается, и пакет медленно, но верно пустеет.

– Ну вот и славноенько. Молодчина, – нахваливает девуш-

ка. И легонько касается моей руки: –Женя, у меня к тебе просьба...

Она звонит по мобильнику маме и говорит, что нужно задержаться на берегу возле дельфина до позднего вечера. Подумав, мать соглашается, при этом просит передать мне трубку и довольно строгим голосом требует точно к полуночи доставить юную особу домой.

Деваться некуда – соглашаюсь.

Глава 4

Турция, Стамбул.

Одиннадцать месяцев назад

Подготовка сотрудников турецкой национальной полиции всегда вызывала зависть у тех, кто противостоял турецкому закону. «Башибузуки» неплохо владели единоборствами, лихо справлялись с вождением любых марок автомобилей и мотоциклов, отлично стреляли, обладали отменной физической подготовкой. Потому-то, оказавшись раненым в ногу на мотоцикле с неисправным двигателем, Башкурт здорово растерялся. Что же делать? Как сбежать с небольшой площади?

Спасительная идея приходит тотчас, стоило взгляду скользнуть по зеленоватой глади пролива. Море! Его спасет только море!

Башкурт резко поворачивает руль влево, идвигающийся по инерции мотоцикл перелетает через несколько ступенек.

Пристань. Лавируя между препятствиями, главарь банды выбирает край пирса, свободный от брустверов и бортиков.

Вот он – рядом с отдельно стоящим зданием кафе.

Пристань сзади, короткий пирс, прыжок. Секундный полет и... жесткий удар о воду.

Башкурт с детства умел отлично плавать и нырять. Помимо родственных уз, любовь к морю была единственной ни-

тью, связывавшей его с младшим братом Денизом. Они росли в небольшом приморском городке Зонгулдак, где почти все взрослое население занималось углем – добычей в глубоких шахтах или его погрузкой в порту Эрегли. Ну а дети были предоставлены сами себе и при первой же возможности неслись стайками к берегу, где удили рыбу, плескались на каменистых пляжах. Тогда Башкурт с Денизом и научились плавать быстрее, нырять глубже, а задерживать дыхание дольше других.

Оказавшись в воде, Башкурт не спешит разжать ладони и отпустить в пучину тяжелый мотоцикл. Зачем? Пусть утянет поглубже, чтоб ублюдкам из национальной полиции не удалось вторично его подстрелить.

«В самый раз!» – отталкивается он от руля и устремляется влево – к ближайшему туристическому судну. Он успел заметить его перед прыжком: заурядная прогулочная скорлупка с тридцатиметровым корпусом ярко-белого цвета. Спрятавшись под ее нависающими бортами, можно немного отдышаться.

До нее метров пятьдесят – левая дистанция. Лишь бы не ошибиться с направлением, так как прибой возле берега всегда поднимает муть и ухудшает видимость.

Башкурт мощно гребет руками и быстро плывет вдоль дна. Ноги он старается не нагружать – правую при неловких движениях едва не сводит судорогой от боли...

А вот и скорлупка. Сверху она блестит свеженькой белой

краской, а снизу покрыта чудовищными темными разводами и наростами из мелких ракушек.

Башкурт давно не практиковался в подводном плавании и столь же давно не задерживал дыхание. Приходится прилагать много усилий и ужасно хочется вынырнуть – глотнуть воздуха. Но лучше сделать это с дальней стороны прогулочного судна, проплыв под его корпусом.

Под килем он чувствует слабость и нехватку кислорода. Еще пара секунд...

«Все! Больше терпеть не могу!»

Оставив позади судовой киль, он резко идет к узкой полоске поверхности, играющей светом между корпусом и стенкой пирса. Башкурт старается всплыть как можно тише, но в спешке раздается всплеск.

Проклятое курение! Грудь буквально разрывает от хриплого дыхания.

С опаской поглядывая вверх, он с минуту прочищает легкие и довольно усмехается: от площади раздается дружное завывание полицейских сирен. В такой какофонии плеска воды никто не услышит.

Отдышавшись, он набирает очередную порцию воздуха и снова уходит на глубину – проплыть под водой такое же расстояние до следующего прогулочного судна...

Имя Башкурт означает «главный волк» или «вожак стаи».

Наверное, данная трактовка наилучшим образом соответствовала характеру авантюриста, любителя легкой наживы,

иногда очень жестокого и злобного человека. Родителей он потерял очень рано, и единственной на всем белом свете родственной душой для него оставался младший брат Дениз.

До тридцати пяти лет Башкурт усиленно находил приключения на свою задницу. Среди его дружков числились исключительно уголовники и прочие темные личности, из-за чего краткое пребывание на свободе, как правило, чередовалось с долгими отсидами в тюрьмах. В тридцать пять в голове уже зрелого мужчины случилась некая метаморфоза. Что-то щелкнуло, перемкнуло, и он вдруг понял простую истину: больше в тюрьму ему не хочется – так бездарно и бессмысленно растрачиваются дни, месяцы и годы его жизни.

В очередной раз оказавшись на воле, он вернулся в банду, но при этом начал не с разработки планов новых грабежей и налетов, а со звонков и поиска посредников, имеющих выходы на влиятельных и могущественных людей.

Ровно через две недели ему посчастливилось добиться встречи и познакомиться с Али Эрдоганом – человеком, лично знавшим премьер-министра. С тех пор дела у банды пошли в гору: множество раз Эрдоган выручал в процессе заведения уголовных дел и следствия; если помощь не поспевала, то договаривался с судьями, и приговоры подельникам Башкурта выносились на редкость мягкие; трижды спасал при разборках с конкурирующими бандами. Самого Башкурта при этом полиция больше не трогала...

Используя нехитрый способ, он отдалился от площади Бе-

шикташ почти на километр. Лишь физическая усталость и боль в раненой ноге заставили прекратить стайерский заплыв.

Отдыхая в очередной раз под бетонной плитой напротив нового отеля, Башкурт решил задержаться в укромном местечке до наступления темноты. Однако слабость и круги перед глазами навели на мысль о немалой потере крови. Зацепившись за арматурный крюк, он с трудом приподнял над водой поврежденную ногу, повернул ее к свету, осмотрел рану.

«Нужно срочно остановить кровь!» – решил Башкурт и выглянул из своего убежища, оценивая расстояние до пришвартованного к пирсу катера.

До него он еле добрался, хотя оставалось не больше двадцати пяти метров. Вынырнув, отдышался. Приглядел удобное местечко, где можно вскарабкаться по бетону на берег. И, не таясь, поплыл брассом к цели.

«Да, в воде-то двигаться было легче». Пригнувшись и озираясь по сторонам, он добежал до узкой дороги. Машины здесь ходят не так уж часто: вдоль берега сплошной цепочкой выстроились небольшие отели. За дорогой, в тиши векового леса, дремало старинное мусульманское кладбище.

– Такси! – вскинул руку Башкурт.

Машина шарахнулась в сторону.

– Черт... – плюнул он и в сердцах оглядел себя.

Внешний вид действительно мог отпугнуть кого угодно.

Мокрая одежда и волосы, порванная рубашка, окровавленная правая брючина. К тому же босые ноги – правый ботинок слетел при ударе о воду, а с левым пришлось расстаться добровольно.

И все-таки один надежный способ имелся.

Он вынул из кармана пару сотенных купюр светло-зеленоватого цвета и принялся ждать. Деньги тоже насквозь мокрые, но за такую сумму любой стамбульский таксист согласится отвезти хоть на другой конец города.

И верно. Уже через пару минут он сидел на заднем сиденье желтого «Форда» и расслабленно вспоминал сегодняшнюю неудачу...

Башкурт не был осторожным от рождения. Он научился осторожности после тридцати пяти. Поэтому на азиатский берег Стамбула, в дом старого и надежного друга, он отправился не сразу.

Поколесив по деловому центру европейской части города, он приказал таксисту остановиться у торгового центра и протянул триста долларов:

– Купи мне обычный бинт, ботинки восьмого размера, носки и светлую рубашку. Исполнишь как надо – получишь столько же.

Таксист кивнул и исчез за стеклянными раздвижными дверьми громадного магазина.

Прошло пять минут, десять, пятнадцать...

Да, опасения, безусловно, бередили душу. Вдруг этот долговязый водитель с подобострастной улыбкой на плоском лице позвонит в полицию и расскажет о странном пассажире?

Но все сомнения улетучились в тот же миг, как нескладная фигура, увешанная пакетами, появилась в дверях магазина.

– Обувь купил сразу, а за легкими рубашками пришлось постоять в очереди, – виновато пояснил тот, усевшись за руль.

Башкурт наскоро перевязал рану, переоделся, обул туфли, оказавшиеся впору. Спрятал порванную рубашку в пакет и, рассчитавшись с таксистом, покинул желтый «Форд».

В этом же райончике он забежал в другой магазин, где приобрел новые джинсы и снова поймал такси.

– В Фенербахче, – назвал он один из юго-западных районов азиатской части старого Стамбула.

В Фенербахче он приехал уже в предвечерних сумерках.

– Хвала всевышнему! – выйдя из машины, главарь банды посмотрел в светло-серое небо. – Потихоньку доберусь. Затемно буду на месте.

И прихрамывая на правую ногу, отправился в соседний квартал, называвшийся «Кадыкей».

– Мустафа, напомни: сколько денег находилось в коробках?

– Коробки из-под ноутбуков и плоских мониторов по вме-

стимости соответствуют кейсам – в них было по шестьсот тысяч. В коробки из-под принтеров мы загрузили по миллиону. Самой объемной оказалась тара для системных блоков – в каждую из этих картонных коробок уместилось по полтора миллиона.

– И сколько всего наших денег перевозил грузовик?

– Тридцать пять миллионов долларов, – без запинки отвечает коренастый мужчина средних лет.

– Бесподобно! Просто бесподобно! – пыхает сигарой Али Эрдоган. – Башкурт, ты лишил меня целого состояния. И что же прикажешь с тобой делать?..

Башкурт со связанными руками стоит посередине огромного кабинета. В затылок ему дышат два широкоплечих молчуна – сотрудники личной охраны Эрдогана; третий с пистолетом в руке – начальник службы безопасности – прохаживается у закрытой двери.

Али Эрдоган – грузный мужчина лет шестидесяти. Среднего роста, лысоват, но с пышными седыми усами. Умен, осторожен и опытен. Когда-то занимал ряд важных государственных постов, поэтому обладает невероятным количеством связей как в Турции, так и соседних странах.

– Тридцать пять миллионов долларов, – повторяет он за своим помощником. – Ты представляешь, какие это деньги, Башкурт?

Еще бы не представлять... За долгое время их знакомства он задолжал всего пять миллионов и считал эту сумму непо-

стижимой, сумасшедшей, огромной! Оттого и согласился отработать на перевозке груза.

Башкурт успел добраться до своего надежного друга.

Прихрамывая на правую ногу, он протопал километра два. Затем, дождавшись темноты, окунулся в нищету бедного квартала и нырнул в одну из его кривых улочек.

Черта с два его найдут в этих запутанных трущобах! Здесь нет ни табличек с названиями улиц, ни номеров на однообразных каменных дувалах. Здесь легко может потеряться даже тот, кто родился, вырос и всю свою жизнь прожил в Стамбуле.

Словно в подтверждение обнадеживающей мысли, Башкурт с четверть часа плутал по кварталу. На этой улочке живет его друг или на соседней? В этом доме или следующем?..

– Нашел! – растянулись в улыбке тонкие губы.

Он сделал шаг к калитке, обрамленной грубым природным камнем, и осторожно постучал...

Невзирая на позднее время и нервозность Башкурта, старый друг обрадовался его появлению.

– Откуда ты?! – открыв калитку, воздел он руки к темному небу.

– Позже объясню, Джума. Можно войти?

– Конечно. Зачем спрашиваешь?

Давным-давно они жили на одной улице небольшого приморского городка Зонгулдак. Учились в одной школе, вместе

бегали на берег моря рыбачить и нырять с каменных утесов. После школы их пути разошлись: Джума отправился в угольную шахту, а Башкурт – в первую ходку за решетку. Позже они неоднократно встречались и помогали друг другу. Джума с семьей скопил немного денег, продал дом в Зонгулдаке и переехал на окраину Стамбула.

После молитвы сели ужинать. За трапезой вспоминали детство в Зонгулдаке: школа, одноклассники, шалости, море...

А потом произошло форменное светопредставление.

В дом вломились какие-то люди. Очень много людей. Одновременно и со всех сторон. Но достаточно тихо: без стрельбы, криков и взрывов шумовых гранат. Они работали настолько профессионально, что Башкурт не сомневался: национальная полиция выследила его и берет дом Джумы штурмом.

Джуму и его жену, худенькую невзрачную женщину, ворвавшиеся в дому мужчины вырубил и оставили лежать посреди небольшой гостиной. А Башкурта связали и поволокли на улицу.

И только на улице, когда его запихивали во вместительный багажник серого «Мерседеса», он вдруг понял, что к полиции эти люди не имеют никакого отношения...

– Прости, Али... Я понимаю: тридцать пять миллионов – огромные деньги, – шевелит разбитыми губами Башкурт.

Изобразив пренебрежительную усмешку, Эрдоган пере-

бывает:

– Это все, что ты понимаешь?

– Я же не сам сдал твой груз полиции!

– Почему ты приказал свернуть с трассы и двигаться вдоль Золотого Рога?

– Мы свернули после моста через Золотой Рог из-за «евнухов».

– Ага! И приехали прямиком в лапы «башибузуков»!

– Мы не знали, что они дежурят на площади Бешикташ...

– Хватит! – кричит Эрдоган.

Заслышав властный голос хозяина, телохранители приходят в движение. Один обхватывает толстой ручищей шею Башкурта, второй наносит несколько сильных ударов в область печени и солнечного сплетения.

Бандит хрипит, задыхается, плюется кровью.

– Хватит. Не нужно напрасно тратить мое время, – замечает Эрдоган.

Отдышавшись, главарь банды шепчет:

– За что? Мы всегда были честными партнерами...

– ...до сегодняшнего дня. Я разочаровался в тебе, Башкурт. Мне очень жаль...

– Я тебя не обманывал, Али! – срывается на крик Башкурт. – Мы отбивались как могли! Я потерял в этой операции троих верных людей!

– Поздно оправдываться, – выпускает клуб дыма Эрдоган.

– Я едва унес ноги от «башибузуков»!

- Мне это неинтересно.
- У меня дырка в ноге!
- Нога – не сердце.
- Как ты можешь?!
- Заткнись! – закипает тот.

Поднявшись с роскошного кресла, он резко распахивает окно и вдыхает прохладу ночного воздуха. Потом разламывает в пепельнице недокуренную сигару и равнодушно говорит:

- Кончайте с ним.

Его грубо выталкивают на задний двор за роскошным особняком Эрдогана. Воля Башкурта сломлена, растоптана...

Ранее, общаясь с Али по своим делишкам, он частенько мечтал побывать в апартаментах этого могущественного человека. Толи мучила зависть, то ли заурядное любопытство. А тот, будто нарочно, назначал встречи за городом или же в тихих безлюдных парках.

И вот на тебе – получи! Сбылась мечта идиота – побывал в гостях у сильного мира сего.

Очередной удар – и Башкурт летит на газон, слабо освещенный декоративными фонарями, торчащими вокруг уснувшего фонтана.

Опираясь дрожащими руками на каменный парапет водоема, он пытается подняться, но у виска щелкает взводимый

курок. Стоя на корячках у ног начальника охраны, он замирает; с губ свисает кровавая слюна.

– Пожалуйста, – шепчут разбитые губы. – Пожалуйста, попросите Али, чтобы он простил...

– Ты слишком много задолжал, – появляется тот на хорошо освещенном заднем крыльце. В руках бокал с вином, на лице – полное безразличие.

– Прости, Али. Я отработаю.

– Как? – посмеивается Эрдоган.

– Как угодно! Отработаю! Я многое умею делать! Прости!..

Потирая указательным пальцем спусковой крючок, охранник ждет команды. Или легкого кивка головы.

Али почему-то медлит.

Допив вино, он передает пустой бокал Мустафе и спускается по гранитным ступеням. Остановившись рядом с Башкуртом, глядит в звездное небо и лениво потягивается...

– У тебя имеется одно смягчающее обстоятельство.

Башкурт с надеждой поднимает голову.

– Этим обстоятельством является то, что деньги в коробках были фальшивыми. Так, Мустафа?

– Совершенно верно, хозяин, – послушно отзывается помощник. – Но фальшивки были выполнены с безупречным качеством.

– Ты слышишь? С безупречным! – строго повторяет Али. – Именно благодаря их безупречности мне удалось

быстро найти покупателя из азиатского района Ускюдар, согласившегося купить фальшивые купюры по хорошей цене – один к семи. Понимаешь? – грозно глядит он на Башкурта. – Все было готово для сделки. Все! А ты не смог сделать самого простого: доставить покупателю несколько десятков картонных коробок!

– Значит... Значит, ты выручал с этой сделки всего пять миллионов? – тяжело дышит Башкурт.

– Да, пять миллионов. Пять миллионов настоящих долларов. И если бы ты выполнил свою работу – я списал бы с тебя равнозначный долг.

– Получается, что теперь я задолжал тебе десять?

– Десять.

– Но это же не тридцать пять. И не сорок. Позволь мне их отработать, Али!

Тот неторопливо раскуривает сигару и медлит с ответом...

Башкурт с приставленным к голове стволом ждет всего лишь одного слова. И это слово звучит.

– Хорошо.

Начальник охраны, словно по команде, прячет пистолет за пояс, а Башкурт тяжело поднимается на ноги.

– Хорошо, – сизнова раздается на заднем дворе феше-небельного особняка. – Кажется, ты говорил, будто хорошо плаваешь с аквалангом?

– Да. В юности с братом много плавали. И потом прихо-

дилось ходить на глубину до сорока метров. Я вообще хорошо плаваю подводой. И ориентируюсь...

– Готов ли ты исполнять мои приказы?

– Готов, Али. Я на все готов, только позволь отработать долг.

– Возможно, у меня найдется для тебя пара поручений. Позже. Не сейчас... – Эрдоган направляется к дому. По середине лестницы, не оборачиваясь, бросает: – А пока проводите его к моему доктору...

Глава 5

Российская Федерация, Черноморское побережье.

Три недели назад

– Зачем она об этом просит? – недоумевает девушка после моего разговора с ее мамой. – Что, я сама не дойду? У меня есть замечательный провожатый – Яшка. Он с любой окраины Анапы безошибочно приведет домой.

– Нет, Эльвира, полночь – не слишком удачное время для самостоятельных прогулок.

– Мне, между прочим, скоро двадцать три.

– Я понимаю, что ты взрослый человек. Местные жители вас с Яшкой, конечно, знают и никогда не обидят, но в Анапе сейчас приезжих больше, чем местных. Согласна?

Насупив брови, она молчит. Однако в этой детской надутости без труда угадывается удовлетворение и благодарность.

Она стройна и длиннонога. У нее симпатичное, хотя и немного простоватое лицо с едва заметными веснушками и выгоревшими бровями. Кожа гладкая, с ровным загаром.

Сумерки. Мы сидим на песке неподалеку от дельфина. Яшка устал: пристроился под боком у Эльвиры и пытается заснуть под наш монотонный негромкий разговор.

– Неплохо было бы дать нашему дельфину имя, – тихо говорит девушка.

– Предлагай.

– Сегодня первое августа. Давай назовем его Август.

Удивляюсь простоте решения:

– Отличное имя! Быстро ты его придумала...

Наконец, девушка интересуется временем.

– Одиннадцать, – отвечаю, поглядев на часы.

Она опять открывает чемоданчик, и тут я обнаруживаю потрясающее превосходство незрячего человека над зрячим: Эльвире совершенно не нужен свет. В крошечной темноте она на ощупь прекрасно разбирается с многочисленным со- держимым своей медицинской поклажи.

Мне опять приходится придерживать мощный хвост дельфина, пока девушка делает инъекцию.

– Готово, – она убирает шприц и приступает к сборам.

– Что теперь?

– Не хотелось бы оставлять его здесь. Ты можешь помочь ему отплыть от берега?

– Попробую. А двух инъекций антибиотиков достаточно для выздоровления?

– Маловато. Было бы неплохо проколоть несколько дней. Но для этого необходимо поместить дельфина в какой-то загон или отдельный водоем. Тут таких нет.

Понятно. Значит, надо шугануть его в море – подальше от праздно шатающейся полупьяной молодежи.

Сбрасываю футболку, захожу в воду.

– Пошли, брат, – обхватываю тяжелое лоснящееся тело и,

спохватившись, извиняюсь: – Ой, прости – ты у нас теперь Август...

Кое-как перебираемся на метровую глубину, где пациент понемногу приходит в себя: шевелит плавниками, хвостом и тихо посвистывает.

– Погуляй часов десять, – по-дружески шлепаю его по спине, – а завтра чтоб явился на это же место. Понял?

Вряд ли он понял.

Повернувшись мордой в сторону моря, Август резко взмахивает хвостом (и откуда взялось столько силы!), сшибает меня с ног и... исчезает. Будто его и не было.

Потирая ушибленное плечо, возвращаюсь на берег.

– Уплыл? – слышит мои шаги Эльвира.

– Уплыл. И даже хвостиком помахал на прощанье.

Девушка улыбается. А я напяливаю на мокрое тело шорты и футболку.

– Мы с ним договорились встретиться завтра здесь же – возле пирса. Ты придешь?

– Конечно, – протягивает она руку Яшке. Юный орангутанг тотчас хватается за ладошку.

– В путь? – подхватываю чемоданчик.

– В путь.

Пересекая одну из центральных улиц, наводненную шумными разноцветными компаниями, слышу противные пьяные голоса:

– О-о! Местная семейка идет!

– Не-е, это которые дают за бабки фоткаться с обезьяной!

– Э! Тормозни, народ! Дайте нам сфоткаться на память!

Идем своей дорогой, но сзади кто-то догоняет.

– Э! Вы че, оглохли?!

Оборачиваюсь и пока еще спокойно советую:

– Идите, парни, своей дорогой.

– Чего?! – нахально тянет прыщавый недоросль под два метра ростом – лохматый, весь в фенечках и с сережкой в ухе. Че Гевара, блин...

Слышу за спиной торопливые шаги: кто-то из ретивых (или самых пьяных?) решил догнать и разобраться. Что ж, пора преподать подрастающему поколению урок вежливости – исправить упущение педагогов и родителей.

Короткий удар – и команданте кубинской революции мычит, отплеываясь кровавыми соплями.

В компании их дружков короткое замешательство быстро сменяется единодушным решением отомстить за боевые потери и поруганную честь. С лавочки и каменного парапета одновременно вскакивает молодцов шесть или семь возрастом от двадцати до двадцати пяти.

Что ж, случалось нам бывать в передрягах и похуже.

– Женя, не надо, – просит Эльвира.

– Почему же? Иногда надо. Ты постой здесь, хорошо?..

Поворачиваюсь к шеренге атакующего противника.

Красиво идут, черти. Но вся эта стадная решимость испарится в один миг, стоит юнцам натолкнуться на не менее ре-

шительную силу.

Шагаю навстречу.

Серия не слишком сильных (дабы не убить) ударов отбрасывает двух самых ретивых отдыхающих на ровно подстриженную травку газона. Один наглухо вырублен, второй вяло шевелится в кустах хризантемы.

И тотчас краем глаза подмечаю резкую перемену: скорость наступления противника падает; тупая злоба уступает место осмысленной опаске...

Короче, когда пятеро оставшихся в строю бойцов все поняли, у них был такой ужас на лицах, что если их сфоткать, то их изображениями смело можно пугать нечисть.

К тому же в тылу робкие женские голоса переросли в откровенно громкие визги с требовательными возгласами прекратить рукоприкладство и разойтись по разным углам ринга.

Ожидаемая реакция. Я бы на месте не окрепшего духом молодого поколения тоже засомневался в исходе сражения, завидев перед собой двухметрового дядю весом сто десять килограмм. Причем вес этот сконцентрирован не там, где у многих болтается брюхо, а равномерно распределен по телу в виде рельефных мышц.

Конфликт угасает сам собой. Сумевшие обуздать свои эмоции парни оттаскивают с поля боя раненых; я возвращаюсь к Эльвире.

Яркое солнечное утро. Легкий бриз и ласковый шелест волн.

Нас трое: Эльвира, Яшка и я. Дельфина нет, как и надежды на его появление. Мы успели разок искупаться; лежим, пытаемся согреться в холодных лучах низкого утреннего солнца. И в несерьезной манере рассказываем друг другу о личной жизни. Причем генерирует данную тему Эльвира, а я лишь пытаюсь шутливо отбиваться.

– ...Да ладно, надо веселее и проще смотреть на жизнь, а не заморачиваться на условностях, – подначивает меня девушка.

Улыбаюсь и я:

– Интересно, где и при каких обстоятельствах ты вывела эту теорию?..

...Прощаясь вчера, мы договорились с Эльвирой встретиться в девять утра на том же месте. В восемь сорок пять я уже торчал неподалеку от длинного рыбацкого пирса и очень удивился, увидев Яшку, уверенно ведущего за руку девушку. Признаться, я ожидал, что ее привезет мама, а тут... В общем, молодой орангутанг здорово вырос в моих глазах.

– Где и при каких обстоятельствах? – смеется она. – Когда поступала на зооветеринарный факультет, пришлось заполнить кучу заявлений, анкет, подписных листов и прочей ла-

буды, которые мне зачитывала подруга. Почему-то подумалось: половину из них никто и никогда не прочитает. Помню, в одной анкете был вопрос: «Расскажите о себе».

Незаметно усмехаюсь: ну-ка, ну-ка? И что же ты ответила?

– Недолго думая, я написала: «Пацифистка. Без ума от пломбира в шоколаде». И буквально через пятнадцать минут беседовала с каким-то серьезным дядечкой по поводу этих строк.

Не могу удержаться от смеха. Ей богу, мне начинает нравиться ее свободолобивый ум и независимый характер.

– А что ему не понравилось? Пломбир или ненависть к войне?

– Кто ж их, больных, разберет? Им доктор нужен. Настоящий человеческий доктор.

– Это точно...

Около одиннадцати Яшка вдруг перестал лопать мороженое и заволновался.

Приподнимаюсь на локте и смотрю туда, куда указывает длинная рука, покрытая редкой рыжей шерстью.

Медленно взрезая зеленоватую воду, к берегу приближается спинной плавник афалины.

– Эльвира, приготовь шприц побольше.

– Он приплыл?! – оживает она.

– Приплыл. Но опоздал, негодник...

Яшка забирается на руки к Эльвире, и мы заходим с ней в воду по пояс – встречаем пациента. Подплыв, тот трется боками о наши ноги, подставляя черную блестящую спину с острым плавником. Круглая ровная дырка посередине плавника по-прежнему привлекает мое внимание. Эльвиру я вчера успокаивал, придумывая какие-то нелепицы о торчащей из дна арматуре, однако самому мне мало верится в эту чушь.

Август слабоват – движения вялые, экономные. Будто заглаживая свою вину за вчерашнюю шалость с ударом хвоста, он чешет свой выпуклый лоб о мою коленку...

Порадовавшись встрече, мы идем к берегу. Пациент послушно следует за нами, словно понимая необходимость продолжить начатый днем раньше курс лечения.

На берегу девушка присаживается к чемоданчику и готовит пару инъекций. Я же несусь на пирс к знакомым рыбакам за порцией свежей рыбы – сам дельфин пока еще не в состоянии добывать ее в нужном количестве.

Поздний вечер.

Весь день мы провели на пляже возле дельфина, лежащего на мелководье и терпеливо сносившего прописанные молодым ветеринаром процедуры. С аппетитом закусив свежей рыбкой в третий раз подряд, Август приободрился, ожил и даже пробовал заигрывать с нами и Яшкой.

Уплывал он степенно и без резких движений, на пару ми-

нут задержавшись у середины рыбацкого пирса. Потом исчез за волнами, после чего Эльвира долго стояла по колени в воде и смахивала бегущие из-под темных очков слезы.

– Наверное, он больше не вернется, – говорит она по дороге домой.

– Всяко возможно. Я где-то читал, что животные помнят наши добрые поступки до конца жизни.

– Это правда. Это действительно так...

Полночь. Мы прощаемся около дома Эльвиры.

Яшка оседлал перила и самозабвенно доедает купленный по дороге апельсин. Девушка стоит на первой ступеньке лестницы, ведущей на веранду второго этажа. Там – на втором этаже старого добротного дома она живет со своей мамой.

Эльвира грустна, молчалива и не торопится подниматься наверх.

– Можно я посмотрю на твое лицо? – шепотом спрашивает она.

– Можно, – соглашаюсь, не успев толком понять, как она собирается «смотреть».

Теплые ладони с тонкими пальчиками нежно прикасаются к моим волосам, колбу; скользят по щекам и подбородку...

– Ты симпатичный, – смущенно говорит Эльвира. И добавляет, коснувшись ладошкой предплечья: – И сильный...

Хочу ответить ей в том же духе – дескать, она не про-

сто симпатична, а красива, но взгляд неожиданно приклеивается к плывущим в темноте огонькам автомобильных фар. Плывут они как-то странно: то останавливаются и выжидают, то продолжают движение по узкой улочке, на которой живет Эльвира.

Кто это? Подвыпивший гуляка, заплутавший в ночной Анапе? Или вновь прибывшая на отдых семья подыскивает халабуду для ночлега? А может быть, кто-то из нокаутированных пареньков решил взять реванш?..

В любом случае пора прощаться с девушкой. А там как-нибудь разберемся.

– Спокойной ночи, – легонько сжимаю ее ладонь.

Она встает на цыпочки, касается губами моей щеки и, позвав Яшку, спешит по лестнице вверх.

Топаю к трассе в надежде поймать попутку и добраться до «Витязя». Время позднее, освещение на улицах Анапы откровенно убогое, поминутно приходится поминать недобрым словом товарища Агапова. Однако автомобили по трассе еще бегают, и благодаря этим уплывающим огонькам легко сориентироваться.

За пару кварталов до трассы мою спину неожиданно вновь освещают фары неизвестного автомобиля.

На всякий случай забираю в сторону и иду по обочине.

Не тут-то было – машина едет за мной, выдерживая дистанцию в сотню метров.

Что за хрень, ей-богу?

Плавный поворот улицы на мгновение скрывает меня от глаз преследователей. Воспользовавшись благоприятным моментом, ныряю за раскидистый куст сирени; согнувшись пополам, перемещаюсь назад и захожу за дерево.

Выгода моего положения обнаруживается спустя полминуты, когда автомобиль (оказавшийся, между прочим, «Мерседесом») останавливается возле сирени.

Незаметно подбираюсь сзади. Выжидаю...

Выжидают и внутри представительского авто.

Ладно, пора кончать этот фарс и разобраться с пассажирами. Что за охота на отдыхающих?

Три прыжка – и я у дверцы водителя. Рывком открываю ее, заносу кулак для удара и...

– Черенков! Стоять! – резко окликают меня из глубины салона. – Убьешь водителя – сам будешь рулить.

В полнейшем изумлении опускаю занесенный над водительской головой кулак и заглядываю внутрь.

Так и есть! Вальяжно развалившись на заднем сиденье, на меня смотрит хитро улыбающаяся физиономия шефа. Да-да, того самого разлюбезного шефа, который и генерал-лейтенант, и руководитель одного из важнейших департаментов ФСБ, и мой непосредственный начальник, и благодетель, второй раз подаривший путевку в черноморский рай.

Вот так встреча! Не иначе опять что-то приключилось. Такие люди просто так попить чайку за тыщу верст не приез-

жают.

– Садись, братец, – приглашает Сергей Сергеевич, – нам с тобой по пути.

Устраиваюсь позади водителя, захлопываю дверцу.

– И давно вы за мной следите?

– С того дня, как ты подписал контракт с ФСБ.

Шутит, гад. У него вообще специфическое чувство юмора.

– Ладно, не сердись, – миролюбиво посмеивается он. – Мы решили проверить, насколько ты расслабляешься в отпуске и забываешь о собственной безопасности.

– Ну и как?

– Проверку прошел. Четыре с плюсом.

Блаженно вытянув ноги, чувствую жуткую усталость. Мысленно я, конечно, благодарен шефу за внезапное появление, но вслух продолжаю ворчать, вздохнув из глубины души:

– Надо было лобовое стекло каменюкой разбить. Тогда бы точно пятерку заработал...

Сергей Сергеевич Горчаков небольшого роста – около ста семидесяти сантиметров, щупленький такой. Седые волосы обрамляют лицо с правильными чертами. Кожа тонка и почти не имеет цвета – наверное, от большого количества ежедневно выкуриваемых сигарет. Однако внешность мало перекликается с внутренним содержанием этого человека. При некоторых недостатках характера (кто без греха, пусть пер-

вый бросит в него камень; но если, сука, попадет...) Сергей Сергеевич был, есть и будет хорошим профессионалом, получившим навыки и опыт в старой доброй контрразведке КГБ. О его способностях можно говорить часами, но я обойдусь короткой ремаркой: генерал Горчаков не имеет ничего общего с некоторыми армейскими служаками, для которых существует лишь два мнения – свое и неправильное. К тому же его высокие профессиональные качества хорошо приправлены безусловной выдержкой, смелостью, незаурядным умом и бесценным опытом.

Иногда мне достается от него за грубоватый тон, едкие шуточки и распущенность высказываний. Но в целом он относится ко мне с теплотою и отеческой строгостью.

«Мерседес» выворачивает на трассу, идущую от Анапы вдоль побережья, и плавно набирает скорость.

– Как отдыхается? – приоткрывает шеф окно и подпаливает сигарету.

– Знаете, я давно обнаружил одну закономерность: мне всегда отлично отдыхается вдали от начальства.

– Да, такова уж моя генеральская участь – разрушать чужие надежды на безмятежный отдых, – злорадно посмеивается он, выпуская дым в сторону окна.

– Между прочим, вы обещали три недели отпуска. У меня есть свидетели.

– Имей совесть! Ты греешь задницу на южном солнце уже целых семнадцать дней.

– Верно. А до этого по вашей милости чуть не отморозил ее в море Лаптевых.

– Ладно, – сбавляет он напор после упоминания об операции в море Лаптевых, где моему отряду «Фрегат-22» действительно пришлось несладко. – Ладно, – повторяет генерал, – тут появилось два срочных дельца. Вернее, так: первое – срочное, но плевое; второе – несколько дней ждет, но в исполнении требует некоторых усилий.

– Хотелось бы надеяться, что эти усилия придется прилагать не в полярных районах.

– Неужели до сих пор не отогрелся?

– Отогрелся. Только перетряхивает иногда при виде ледяной воды.

– Данная проблема скорее психологического характера – это во-первых. А во-вторых, обе задачи предстоит выполнять здесь – в Черном море.

Что ж, хотя бы одна приятная новость...

Вам известно, что у акул на поверхности головы имеются особые рецепторы, реагирующие на электрический заряд? Их чувствительность невероятна. Ученые считают, что если бы в море не возникало искажений и помех, то акула, благодаря этим чудо-хреновинкам, обнаруживала бы движение добычи или наличие заряда в полтора вольта на расстоянии до пятисот миль. Да-да, вы не ослышались – на расстоянии до пятисот миль.

Так вот, у меня тоже есть похожие рецепторы. Можете смеяться и не верить, но где-то в дальних закутках моего подсознания с детства обитает безотказный набор шестеренок, точно предсказывающий грядущие события. Кажется, это называют предвидением. Или предчувствием – точнее не сформулирую. Хорошая, между прочим, штука! Несколько раз этот «шестереночный механизм» спасал мою шкуру, за что я чрезвычайно ему признателен. В другие моменты, не связанные с риском для жизни, механизм тоже работает без сбоев – достаточно прислушаться к самому себе, и он правдиво поведаст о ближайшем будущем. Но с одним неизменным условием: если ты трезв и не настроен прикончить самого себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.